

„Городокъ Окурровъ. Хроника“.

М. Горькаго.

На дняхъ выходитъ XXVIII сборникъ „Знамя“, главное содержаніе котораго составляетъ новый романъ Кнута Гамсуна „Странникъ играетъ подъ сурдинку“ (появится въ русскомъ переводѣ раньше, чѣмъ въ оригиналѣ) и новое произведеніе М. Горькаго „Городокъ Окурровъ“.

Въ этой „Хроникѣ“, какъ называетъ свое произведеніе Горькій, онъ изображаетъ мѣщанскую среду маленькаго провинціального городка и прилегающей къ нему пригородной слободы, среду, уже начавшую задумываться надъ тѣмъ „чему мы, примѣрно, соответствуемъ? По азбучному сказать: какое намъ мѣсто и дѣло отведено на землѣ государевой?.. Купецъ ли, дворянинъ ли и даже мужикъ, самый низкій слой земного жителя,—всѣ имѣютъ ответственность тому другому дѣлу! А наше дѣло — какое?.. Мѣщане — злоплѣненное сословіе... По фамиліямъ — мы выходимъ отъ стрѣльцовъ, пушкарей, тиуновъ, отъ людей нужныхъ, и всѣ мы тутъ—люди кровнаго русскаго рода, хотя бы и черныхъ сотенъ... Не желательно развѣ мнѣ знать, почему православное коренное мѣщанство — гозади поставлено, а въ первомъ ряду — Фогеля, да Штрехеля, да разные бароны?“

На такія націоналистическія размышленія навела перваго умника слободы, Тиунова, неудачная русско-японская война.

Разными путями люди слободы пытаются утихомирить свои тоскующія души. Тиуновъ полжизни провелъ въ скитаньяхъ, а, состарившись, вернулся и, въ качествѣ первой головы въ слободѣ, пытается давать отвѣты на всѣ обуревающія его согражданъ сомнѣнія.

Красавецъ Вавила Бурмистровъ ищетъ и не находитъ успокоенія въ обществѣ Ладки, женщины изъ „Фелицатина райшка.“

— Вотъ тридцать годовъ мнѣ,—жалуется онъ ей,—сила есть у меня, а мѣста я себѣ не нахожу такого, гдѣ бы душа не ныла!

— А ты ходи ко мнѣ почаще!—предлагала Ладка.

— Велика радость ты! Для меня всѣ бабы —пятакъ пучекъ. Тобой сытъ не будешь!

— Али я тебя не кормлю, не даю тебѣ, сколько могу?

— Я не про то, дура! Я про душу говорю. Что мнѣ твои полтинники?

— Чего тебѣ надо?!—равнодушно покачиваясь, спрашивала Ладка.

— Чего надо?—бормоталъ онъ.—Ходу, дороги надо... Возьми ты сердце мое, возьми его,—невозможно ему дышать,—ну, нечѣмъ же, нечѣмъ!

Самородокъ поэтъ Сима Дѣвушкинъ изливаетъ свою тоску въ стихахъ:

„Тяжело на свѣтѣ жить!
И живу я тихомолкомъ,
И боюсь сѣрымъ волкомъ
Громко жалобу завывать!“

Впрочемъ, Тиуновъ, повидавшій на своемъ вѣку разные виды, умѣетъ внести бодрящія ноты въ мрачной тонъ жизни своей слободки:

— Сколько я видѣлъ людей,—говоритъ онъ Дѣвушкину.—Сколько я видѣлъ людей, сколько горя постигъ человѣческаго. Любить люди горе, радость—вдвое! И скажу тебѣ отъ сердца слово: хорошъ есть на землѣ русскій народъ! Дикій онъ, конечно, замордованный и весьма несчастенъ, а—хорошъ, добротный, даровитый народъ! Вотъ ты погляди на него пристально и будешь любить. Ну, тогда, братъ, запоешь!“ („Рѣчь“)